

УДК-808+809

**ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА А.А. ЗИНОВЬЕВА**

Е.В. Комовская

В данной статье рассматриваются семантическая специфика и функциональные возможности названий произведений А.А.Зиновьева. Анализируется смысловое наполнение заглавий художественного мира писателя с точки зрения различных функциональных классификаций, предложенных литературоведами.

Ключевые слова: заглавие, коннотация, семантика, семантическая свертка.

Известно, что «заглавие художественного текста (как и эпитафия, если таковой имеется) представляет собой один из существеннейших элементов композиции со своей поэтикой», «заглавие — это имя произведения... манифестация его сущности» [1, с.9]. Попытаемся сформулировать, как названия романов А.А. Зиновьева манифестирует сущность произведения.

Каждый из его романов имеет многозначное аккумулярующие основные содержательно-формальные «узлы» произведения название: игровое с точки зрения смысловой коннотации слов и включающее соответствующий историко-литературный контекст.

Название роман «Гомо советикус» можно трактовать многозначно. С одной стороны, у читателя возникает ассоциативная параллель с латинским выражением «*Homo sapiens*». С другой стороны, название воспринимается в историческом контексте «брежневского времени». Брежнев провозгласил лозунг о том, что в социалистическом государстве люди «не сапиенсы, а советикусы»[2,с. 23]. Этот лозунг пропагандировался и повторялся в СССР неоднократно. Выбранным названием А.А. Зиновьев подчёркивает, что люди постепенно из существ разумных превращаются в существо государственной системы. Усиливается сатирический эффект, основанный на политической составляющей.

Интересна авторская игра букв «Н» и «Г» в слове «*homo*». С латинского языка «*homo*» - разумный, а «*гомо*» - единичный, одинаковый. А.А. Зиновьев в названии подчеркнул идентичность героев, у которых система отнимает индивидуальные черты и качества характера, отсюда и применяемый им приём обезличивания, выраженный в отсутствии имён у героев.

Следовательно, роман, как и все последующие, построен по принципу: загадка – название, и расшифровка её в тексте произведения.

Название романа «Катастрошка» по своей семантики очень неоднозначно. С одной стороны, автор играет словом: он вводит новообразование, сочетающее в себе основы двух слов различной семантики: «катастрофа» и «перестройка», а с другой автор даёт историческую этимологию своего новообразования. Он отмечает в тексте: «слово «перестройка» на греческий язык переводится словом «катастрофа»[3,с.42]. Таким образом, данное новообразование семантически, этимологически было потенциальным в русском языке, но в авторской концепции стало оценочным выражением правления Горбачёва.

Михаил Криквуд в журнале «Зиновьев» рассматривает текст и название произведения «Желтый дом» с точки зрения перевода их на английский язык. Исследователь сталкивается с проблемой неперевода глубинного, потаённого значения. Он отмечает, что в английской ментальности полностью отсутствует ассоциация желтого цвета с цветом сумасшествия [4, с.35]. А.А. Зиновьев, используя такую ассоциацию в названии опирается, на классическую русскую традицию. Символ желтого как цвета сумасшествия неоднократно подчеркивался Достоевским в «Преступлении и наказании», Пушкиным в «Повестях Белкина», Гоголем в «Петербургских повестях» и «Мертвых душах».

Таким образом, Зиновьев выстраивает художественный прото-текст, который сложен

для восприятия и понятен исключительно человеку с русским менталитетом.

Владимир Берелович, исследователь-переводчик, отмечает следующие сложности при переводе текстов Зиновьева:

1. «Автор постоянно играет словами»,
2. «Игра словами не ради шуточных каламбуров, а ради того, чтобы выявить...

Абсурд, который вызывает смех и страх одновременно»[5, с. 25].

Владимир Берелович, анализируя текст и название «Зияющих высот», выявляет единственную аналогию. Он считает, что данное название соотносимо с выражением «сияющие высоты коммунизма» [5,с.27], которое было распространено в данный исторический период, а Зиновьев, по мнению исследователя, рассматривает данный оборот в сатирическом ключе. Если анализировать словарные коннотации слова «зиять», то оно соотносимо с понятиями «пустота», «пустовать». Кроме того, соотношение «сиять-зиять, красота - пустота» имеет литературную историю. В начале XX века данные словоформы были обыграны в стихотворении О.Э. Мандельштама «Я скажу тебе...» следовательно, у русскоязычного читателя автоматически возникает ассоциация с пустыми идеалами-миражами, манящими, влекущими, но при этом обманчивыми и недостижимыми. Таким образом, название «Зияющие высоты» - эта уже традиционная игра слов, которая придаёт произведению онтологическую и метафизическую глубину, потому что таящийся в нём абсурд вызывает у читателя смех и страх одновременно. Название выполняет функцию авторского концепта политической системы СССР, по данному концепту, государство свои иллюзорные достижения выдаёт за реальность. Всем произведением А. А. Зиновьев показывает бессмысленность, глупость существующего порядка вещей и как следствие пророчит системе гибель, так как она представляет собой «социальный гибрид советизма и западнизма»[6, 17 (233)], данный процесс описан и в другом произведении с интересным названием «Рогатый заяц». А. А. Зиновьева в статье «Наше государство - «Рогатый заяц» отметил: «Я назвал ту систему, которая сложилась в России, «рогатым зайцем». Такое чучело я видел в охотничьем музее в Мюнхене. В природе такого зайца не бывает, а в обществе иногда возможно. Вот и у нас взяли и сконструировали такого рогатого зайца» [6].

Этим же проблемам посвящен роман «Глобальный человек». Автор играет с суффиксальными аналогиями, так как слово «человек» легко соотносится с «муравейник», тем самым вызывает ассоциации хаотичности, неупорядоченности, ничтожности, претендующей на «глобальность» и значительность.

По мнению исследователя В.А. Лукова, «человек» - это одно из тех понятий-метафор, введённых А.А. Зиновьевым, «которые придают его социологической концепции неповторимость» [7,с.27]. Автор отмечает, что в социуме «Глобального человека» «всегда и во всём идёт ожесточённая борьба между «человьями»»[8,с.15].

Кроме того, название перекликается с философской мыслью Ф.М. Достоевского из романа «Братья Карамазовы»: «Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: перед кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей»[8, 123]. А.А. Зиновьев продолжил традицию русской литературы и показал в пределах художественного пространства «муки соединенных в единое целое людей», он показал катастрофу этого соединения людей в «сверхуправляемый», «сверхорганизованный» социум.

В названии «Иди на Голгофу» соединяется христианский и биографический контексты.Прежде всего, название является реминисценцией религиозной притчи о горе Голгофе как символу страданий. Все произведение посвящено описанию человека, который покусился на роль Бога, но не прошёл главного испытания – испытания страданием.

Само словосочетание «Идти на Голгофу» у Зиновьева не только ассоциативно со словом «страдание», но и включает в себя контекстуальное значение всеобъемлющего одиночества. Автор проводит мысль, по мнению А.А. Гусейнова: «что, когда человек находится в положении полного одиночества, без каких бы то ни было надежд, когда никто не может избавить его от

страданий, тогда он находится в таком положении, в котором может находиться только Бог»[9].

Кроме того, в названии отражены автобиографические черты жизни самого автора. В художественном пространстве он воплотил идею своей матери: «существует ли Бог или нет – не проблема для верующего человека. Самое главное, ты должен жить так, как будто какое-то высшее существо видит каждый твой шаг, знает каждую твою мысль и оценивает»[6, 17(233)].

В произведении А.А. Зиновьев описывает новое учение – «лаптизм», чтобы каждый мог жить так, «чтобы не грешить в голове»[10, с.24]. Каждого из грешных не только в делах, но и в мыслях; он наказал самым страшным образом – обезбожил, то есть лишил частички божественного. Ведь в концепции А.А. Зиновьева – эстетически, морально личность Богом не «кончается», а только начинается, и каким будет мир, зависит от нас, потому что «Бог – это мы сами»[10, с.45].

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1. Названия у Зиновьева всегда имеют явный и скрытый смысл, а следовательно являются загадками,
2. Названия – загадки имеют свою интерпретацию и особый код прочтения, который становится понятен при внимательном анализе социологического эксперимента,
3. Названия отвечают в точности задачам социологической теории,
4. Каждое из заглавий емкое по семантике,
5. Автор использует ряд интересных лексических игровых приемов при создании названий, как-то: ассоциации («Желтый дом»), сложение основ («Катастройка»), создание фразеологизма по аналогии («Гомо советикус»), словообразовательные суффиксальные ассоциативные новообразования («Глобальный человек»). Таким образом, названия у А.А. Зиновьева концентрируют в себе культурные традиции прошлого и лексические новообразования настоящего.

Интересны заглавия А.А. Зиновьева с точки зрения их функционирования в оформлении индивидуальной авторской концепции художественного мира.

Гальперин Н.Р. указывает две функции названия: «функцию номинации (эксплицитно) и функцию предикации (имплицитно)»[11,с.148]. При первом знакомстве с текстом заглавие лишь представляет художественный текст, даёт ему название. По мере чтения текста, по мере диалога читателя с автором познается глубинный смысл и литературоведческий контекст всего произведения. Происходит наращение смысла заглавия, следовательно, возникают новые ассоциации и реминисценции.

В.И. Тюпа выделяет в заглавии функцию выдвижения «в центр читательского внимания некую символическую реальность» [1,с.23], которая способствует пониманию авторского замысла. Вслед за В.И. Тюпа, Самарукова И.В. в статье «Заглавие как индекс дискурсивной стратегии произведения» отмечает, что заглавие содержит в себе индекс стратегии авторского прочтения мира как особой совокупности различных речевых миров, это своеобразный код к авторскому миропониманию [12,с.23].

Исходя из этого, выделим в изображении художественного мира А.А. Зиновьева помимо значения номинации и предикации названия дополнительные функциональные возможности заглавия:

а) «предваряющая» изображенный мир. Это, как правило, выражается у А.А. Зиновьева либо сатирой «Зияющие высоты», либо провокацией «Пара беллум», «Иди на Голгофу». Название «Пара беллум» в переводе с латинского «готовься к войне», это часть фразы латинского афоризма «Если хочешь мира, готовься к войне». Этим призывом автор создает провокационный эффект, кроме того, это название несколько раз повторяется в тексте, что создает гиперболический эффект страха перед надвигающейся опасностью войны. «Иди на Голгофу» - это своеобразная авторская провокация к испытанию одиночеством.

б) «оценивающая» изображенный мир. Названием «Глобальный муравейник» автор даёт оценку художественного пространства своего произведения, и более того показывает путь к интерпретации всего текста.

в) «концертирующая» изображённый мир. А. А. Зиновьев, опираясь на традицию русского литературы, использует концепт сумасшествия в названии «Желтый дом», а затем последовательно углубляет его изображением художественного пространства данного произведения.

А.В. Ламзина в основу классификации названий произведений художественной литературы кладет не принцип различия их функции, а принцип номинации того или иного аспекта текста. Исследователь выделяет следующие виды заглавий в русской литературе [13, с.91-100]:

1. «Заглавие, представляющие основную тему или проблему произведения»,
2. «Заглавия, задающие сюжетную перспективу произведения»,
3. «Персонажные заглавия»,
4. «Заглавие, обозначающие время и пространство».

Если анализировать в данном тематическом ключе названия А.А. Зиновьева, то к первому виду заглавий, по указанной выше классификации, можно отнести роман «Желтый дом», более того, автор подобным названием не просто очертил тему и проблему всего текста, но и придал как теме, так и проблеме символический смысл.

Роман «Катастрожка» своим названием представляет как тему, так и проблему, но по сравнению с названиями такого плана в начале XX века, у А.А. Зиновьева оно усложнено авторской игрой новообразования, таким образом, оно трехсложно, так как в нём одновременно сконцентрированы тема-проблема-игра. «Сюжетная перспектива» задана заглавием «Светлое будущее», но если ранее «сюжетная перспектива» была конечна, так как она завершалась либо с жизнью героя, либо с исчерпанностью описываемого явления, то А.А. Зиновьев задаёт бесконечную перспективу.

К «персонажным заглавиям» в творческом наследии А.А.Зиновьева можно отнести роман «Гомо советикус», однако, по сравнению с подобного рода названиями XIX - начала XX веков, его «персонажное название» не соотносимо с какой-либо личностью, оно шире – оно соотносится с собирательным типом человекоподобного существа. Данное название по универсальности определения людей XX века можно поставить в один ряд с определением В.Г. Белинского «лишние люди», с той оговоркой, что А.А. Зиновьев под «гомососом» понимает закономерность поведения человека XX века, а В.Г. Белинский под «лишним человеком» - исключение из жизни дворянского общества.

Романное заглавие «Нашей юности полёт» является ярким примером названий, которые «обозначают время», а заглавие «Иди на Голгофу» иллюстрирует с точностью названия «обозначающие место», однако не в прямом географическом значении, а в переносно-символическом. Герой везде одинок, так же как Бог был одинок на горе Голгофе. В качестве примера «названия-места» можно рассматривать с некоторой долей условности заглавие «Глобальный человек».

За рамкой классификации, предложенной А.В. Ламзиной, остаются такие названия как: «Зияющие высоты», «Пара беллум».

В.А. Лукин рассматривает заголовок художественного произведения как «знак» с «семантической и семиотической нестабильностью» [14, с.97] и выделяет следующие функции названия:

1. «Представляет текст и замыкает текст»,
2. «Именует текст»,
3. «Отсылает к тексту»,
4. « Является семантической сверткой всего текста».

Нам для исследования названий произведений А.А.Зиновьева представляется любопытным четвертый пункт предложенной классификации. Рассмотрим, как заглавие у А.А. Зиновьева является «семантической сверткой всего текста».

Название социологического романа «Пара беллум», что в переводе с латинского (как отмечалось выше) «готовься к войне» первоначально не кажется читателю семантически оправданным, так как глав с аналогичным русским названием всего шесть, остальные

посвящены жизни некоего «Западника», не спасает и то что композиционно автор в оглавлении использует латинский афоризм «Если хочешь мира, готовься к войне» полностью. Так в художественном пространстве сразу после главы с заголовком «Если хочешь мира» следует с заголовком «Готовься к войне», таким образом, если читать подряд названия оглавления всего произведения, данный афоризм будет повторяться несколько раз, но заголовков, посвященных Западнику намного больше в композиционной структуре текста. Однако если их анализировать с точки зрения художественного значения, то жизнь данного героя предстаёт перед читателем как поле боя за «некролог в центральной газете, подписанный высшими лицами страны» [15, с. 417]. Таким образом, название представляет собой «семантическую свертку всего текста», но на двух уровнях: личностном (он представлен главами о Западнике) и общественном (он представлен главами, перекликающимися с общим заглавием).

Название романа «Гомо советикус» также представляет собой «семантическую свертку всего текста». Произведение как бы распадается на тематические главы, посвященные феномену «гомососа» как нового типа человека XX века и на главы, которые описывают «обитателей пансиона». Однако в главе «Гомо советикус» А.А. Зиновьев подчёркивает мысль о том, что эмигранты, «пансионеры» - «наглядное пособие» [16, с.111]. Следовательно, название отражает теоретический аспект появления подобных существ, а текст выявляет их на практическом уровне художественного обитания.

Названием «Глобальный человек» А.А. Зиновьев ставит мысленный вопрос перед читателем об обществе будущего, а именно, что оно возьмет от человека, а что от муравьиного существования. Всем произведением автор стремится показать, что будет с миром, если от человека данное общество возьмёт только пороки, а от муравья – общее стремление к выживанию, через совместное сосуществование. В подобном обществе не будут вызывать интерес открытия, потому что они не удобны управляющей системе, они заставляют задумываться каждого из «человьёв». А.А. Зиновьев на примере жизни Евы Адамс и Работы Мозгового центра пытается предостеречь людей от уподобления муравьям, которые работают, потребляют, но не создают. Таким образом, авторское новообразование в заглавии текста, которое представлено синкретизмом смыслов и носит игровой, на первый взгляд, комический эффект, но при этом является «семантическим свертком глубинного смысла текста».

Резюмируем. Функциональные возможности заглавия художественного мира А.А.Зиновьева разнообразны. Для интерпретации смыслового значения заглавия как структурного элемента произведения важен семантический и функциональный аспект одновременно. Заглавия художественного мира А.А. Зиновьева имеют сложную синкретическую основу, сочетающую несколько функциональных аспектов и неоднозначную семантику.

In given article semantic specificity and functionality of names of products of A.A.Zinoveva are considered. Semantic filling of titles of the art world of the writer from the point of view of the various functional classifications offered by literary critics is analyzed.

The key words: the title, semantics, semantic convolution.

Список литературы:

1. Тюпа В.И. Произведение и его имя// Литературный текст: Проблемы и методы исследования// Аспекты теоретической поэтики: К 60-летию Натана Давидовича Тмарченко. М.-Тверь, 200. Вып.6.
2. Брежнев Сборник выступлений КПСС.СПб.,1989, Вып.24.
3. Зиновьев А.А. Катастрофа.М.,1991.
4. Криквуд М. Переводя Зиновьева// Журнал «Зиновьев», 2008, №2(3).
5. Берелович В. Сложности перевода произведений А.А. Зиновьева // Журнал «Зиновьев», 2008, №1 (2).
6. Интервью с А.А. Зиновьевым // Газета «Завтра», № 17 (233), 2001
7. Луков В.А. Тезариусный подход в социологии и зиновьевская идея человекника// Журнал «Зиновьев» 2008№1 (2)

8. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр.Соч.: В 12Т.,Т.11.М.,1982
9. Гусейнов А.А. Учение о житии Александра Зиновьева www.guseinov.ru/publ/zinov1
- 10.Зиновьев А.А. Иди на Голгофу. М.,1991.
- 11.Гальперин Н.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- 12.Самарукова И.В. Заглавие как индекс дискурсивной стратегии писателя// Вестник Самарского госуниверситета. Самара, 2002 (1).
- 13.Ламзина А.В. Заглавие. В кн.:Введение в литературоведение/ Под ред. Л.В. Чернец.- М.,2000.
- 14.Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум.- 2-е изд., перераб. И доп. М., 2005.
- 15.Зиновьев А.А. Пара беллум. М., 2000.
- 16.Зиновьев А.А. Гомо советикус. М.,1991.

Об авторе

Комовская Е.В. – аспир. Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, komovskaya86@mail.ru